

Солнечный человек

Виктор Евгеньевич Гусев был человеком исключительным. Невысокого роста — а комплекса Наполеона не имел. Не выпячивался никогда, не подчеркивал свою значительность: ему были интересны другие. А те — Господи, кто же его, партийного, этим наградил? — липли к нему, но избранные, самые талантливые, самые те, кому было что сказать. Не сейчас, может быть, позже. А он вот именно эту перспективу — вовсе не обязательную, всего ожидаемого могло и не быть — предвидел безошибочно. Нет, не предвидел — нутром ощущал.

Интуицией одарен был необыкновенно. Уверен, сам о том не знал. Словно он, интеллигентнейший человек, прочно сидел на земле и ее токами питался. И фольклор его, может, именно оттуда? Из этого ощущения глубинного сродства и братства.

Возник он в нашем прославленном и консервативном ЛГИТМиКе, бывшем Зубовском институте на Исаакиевской площади, как бы случайно, чуть не пролетом. Весь такой приподнятый, праздничный, щебечущий, в ореоле состоявшейся блестящей докторской защиты. И вдруг чего-то потребовал! Сектор фольклора — возродить. Был в 1920-е и следующие годы, фундаментальный такой, многое сделал. И публикации — основательные, на века. Потом исчез, растворился. Фольклор? Тут? У нас же, извините, высокопрофессиональное искусство! Театр, музыка, кино. Снизошли. Подчинились. И ох как выиграли!

Мне этот фольклор был сбоку-припеку. Интересы ноль. А они там что-то шуршат, делают. Мои однокашники по аспирантуре — один лучше другого: Саша Горковенко, Игорь Мациевский, и к ним я душою уже прикипел. И все к себе зовут. Сопротивляюсь изо всех сил. Но ведь, увы, никому не нужен. Про себя говорю: выкидывай аспирантуру. За первый семестр написал, невиданное дело, главу диссертации. И тут умные люди решили — уж слишком быстро, пора останавливать. Да и Федор Васильевич Лопухов, интерес к которому снова вспыхнул, слишком уж восторженно о нем отзывается. Говорят, хочет поручить ему редакцию очередной своей книги. Остановили: тему отобрали, всучили неподъемную. И вот финал: ни диссертации, ни темы, ни руководителя. Не нужен никому. И только Гусев мною интересуется. А я все упрямлюсь.

А зачем слабости у человека? Чтобы на него воздействовать. Вот и у меня слабость — к бане. Игорь Мациевский, мудрый такой, рассудительный, сколачивает компашку попариться. И меня зовет. Устоять не могу. Трет мне спину, долго, старательно. И слова тут его, как бы незначительные: я тебя понимаю, тебе фольклор не нужен, но ведь ты ему нужен! Я? Кому-то нужен? Аргумент убийственный.

Приползаю к Виктору Евгеньевичу весь поникший, скукоженный. Еще бы, любимому балету изменяю! А он мне: нет, нет, балетом продолжайте заниматься

непременно, ведь Вы как балетный критик уже состоялись; но и в фольклоре Вы мне нужны. Давайте так: пятьдесят на пятьдесят! Пополам — фольклору и балету.

Ура! Ликую.

Господи! За что ты даровал мне это счастье! Годы, прожитые мною на секторе фольклора, были из счастливейших.

Там не было случайных людей.

А я? Значит, и я не был случайным?

Ничего не понимал в фольклоре. Каждый раз заявлял на ученых слетах: извините, я не фольклорист, и Гусев искренне сокрушался, всем нутром своим протестуя. И настойчиво меня таковым нарекал. Сколько неведомого мне прежде узнал! Многому научился. Я по секрету скажу: теперь-то они все гениями мне кажутся! Но талантом уж точно каждый обладал. Своим, особенным, ни на кого не похожим. А все вместе — редкостный по даровитости коллектив.

В. Е. Гусев нас собою не обременял: цель крупную обозначил — комплексное исследование, каждый в своей области и все вместе занимаемся целым, и в деталях не мелочился, не висел над душой. Предоставлял нам свободу, время от времени обязывал о проделанном отчитываться. А мы жили своей жизнью, с наслаждением общались, читали написанное коллегами. От музыковедческих работ я особенно отрешивался, ссылаясь на то, что в музыке я точно абсолютный профан, но меня уговаривали и я читал. Талантливейшая Лариса Ивлева, скромняга из скромняг, была у нас непререкаемым авторитетом в вопросах стиля. Почему-то и я считался сведущим в этой области. Правда, иногда оказывался действительно полезен. А временами видел и какое-то крупное, значащее упущение. И по капельке от каждой работы чего-то набирался.

Очень интересны и чрезвычайно полезны для всех были частые конференции: по сути, встречи разных поколений исследователей, и многоопытных, и делающих первые шаги. У одних бесценным богатством был опыт, накопленный за многие годы экспедиций и раздумий над собранным материалом, у других — дерзость молодости, свежесть неожиданных подходов. Важно было и то, что люди из глубинки приезжали: они совсем незнакомым материалом владели. Так наш кругозор в фольклоре (у меня, значит, тоже) обогащался, ширился.

Фольклорные экспедиции захватывали неожиданностями. Русский Север в 1970-е гг. свой век доживал. Мезень, Пинега. А может, нам так казалось? Дома с заколоченными окнами ветхими становились, вот-вот вовсе развалятся. Живет в основном старье, многие без пенсии. Всю жизнь трудились, а нужных документов нет. У старух — коза да картошка, на хлеб с трудом хватает. Приветливы, гостеприимны все. Первыми здороваются, ласково спрашивают: ребята, если переночевать, можно ко мне! Сразу на стол — кринка молока да кастрюля горячей картошки. Утром, когда уходим работать в поле или деревню, деньги хотим отдать за ночлег и угощение. Что вы, что вы, вы ведь гости — это святое! Гостеприимство почитается тут действительно как неотъемлемая часть жизни, а гости, даже такие как мы, случайные, — за радость.

И ни жалобы ни одной на тяготы жизни. Люди изнутри как-то светом озарены и добротой согреты. Идем в очередной раз трудиться, обвешанные техникой:

магнитофонами, камерами, прочим добром. Тогда это все было увесистое и размера немалого. Человек шесть нас, вся экспедиция в сборе. Навстречу нам женщина в платке, очень старенькая, а вся лучится, потому старухой назвать ее не хочется. И прямо ко мне. Икону протягивает: возьми, сынок, ведь я скоро помру, а ее выбросят. Подарок крестного, всю жизнь меня оберегала, и в войну тоже. Пусть и тебе поможет! Икона простенькая, Николай Чудотворец, стертый, на бумаге, в жестяном окладе. А ведь цены ей нет! Висит у меня с тех пор — из любимейших.

Впечатления те незабываемы и в душу врезались. Экспедиции поскромнее, в Ленинградскую область, тоже помнятся и по-своему были замечательны. Благодаря людям, конечно, прежде всего. И школа для меня — высший пилотаж: как нужное тебе у них раздобыть, расположить к себе, доверие вызвать. Тут можно было моим коллегам только дивиться: их душевной тонкости и профессиональному мастерству. Похоже, каждый изобретал свои пути к сердцу опрашиваемого, и ведь всем удавалось!

Кажется, разное совсем — фольклор и балет, согласитесь, по меркам тысячелетий искусство молодое и высокопрофессиональное. А ведь фольклорный опыт мне, признаюсь, помог многое понять и в сложнейших проблемах профессионального танцевального искусства. Судьбы классического наследия — из кардинальнейших. Скольких копий здесь сломано личностями значительными, первейшими! А хаос, неразбериха тут полные.

Одни настаивают вернуться к премьерному варианту. Оставим то, что в принципе это невозможно: оригинальных текстов не сохранилось, и многое менялось в спектакле со временем, не всегда к худшему — нередко в логике художественных идей самого произведения. Достаточно того, что сами носители этих текстов, артисты, и те, кто их воспринимал — зрители, сидевшие в зале, менялись кардинально, невозстановимо. А именно в этом взаимодействии секрет театрального искусства. Как решить, что можно менять в давнем спектакле, а что нельзя?

Другой предложенный путь: рассмотреть все лучшие варианты, выбрать фрагменты, которые воспринимаются как самые удачные, и создать эдакую мозаику, коллаж из наиболее получившегося. Каша из художественных идей и творческих начинаний.

Прежде арбитром в том, что можно и что нельзя в наследии прошлого, был художественный авторитет личности: этой сферой театральной деятельности занимались мастера наикрупнейшие, выдающиеся. Сейчас и этот критерий исчез.

А если применить тут опыт, накопленный фольклористикой? Воспринимать произведение не как конечный результат, а как некий процесс существования во времени? Но это — уже другая тема, за рамки нынешнего нашего интереса выходящая.

В итоге-то оказалось, что фольклор мне многое дал и для понимания профессионального балета. И благодарности тут моей, в том числе Виктору Евгеньевичу, нет границ.

Аркадий Соколов-Каминский
12 марта 2019 г.